

Нелокальная природа политической власти: два подхода к изучению

Данилевский И.В.

кандидат философских наук,
доцент кафедры инженерного менеджмента
Казанского государственного энергетического университета

В статье производится рассмотрение недостатков, присущих видению организации власти в социуме такими направлениями в науке и философии, как синергетика и постмодернизм. Обосновывается новая концепция, эксплицирующая методологический подход в социальных науках, конструируемый по аналогии с квантовой физикой, – в частности, при исследовании властных процессов – как альтернативный синергетике и постмодернизму.

В настоящее время пути совершенствования методологических основ социально-гуманитарного познания, придания ему большей степени приближенности к «истинно научному» знанию (в смысле меньшей произвольности в выводах, которые делаются разными авторами, работающими в социальных и гуманитарных сферах, а также некой концептуальной ориентированности вообще) связываются в научной и образовательной литературе прежде всего с трансдисциплинарным направлением, включающим в себя несколько ответвлений и получившим по названию одного из этих ответвлений обобщенное наименование «синергетика». Отличительными чертами этого направления являются: а) ориентация на поиск в системах любого рода, в т.ч. социальных, нелинейных закономерностей (в противовес линейным); б) использование аппарата теории фракталов – самоподобных структур прежде всего с дробной, а не целочисленной размерностью; в) поиск таких «притягивающих множеств» (аттракторов) траекторий развития систем, которые представляют собой в первую очередь так называемые «странные аттракторы» – крайне непредсказуемые, хаотичные в ряде отношений образования; и, как следствие всего вышесказанного, г) «философия нестабильности» (И. Пригожин; см. [8]). Ориентируясь на достаточно многочисленный ряд процессов, прежде всего физико-химических, синергетика утверждает, что самопроизвольные колебания (флуктуации) хаотической по своему характеру среды могут породить

порядок, что относится, по мысли авторов, работающих в данном направлении, и к социальным явлениям, причем фундаментальные механизмы такого самоорганизующегося хаоса носят делокализованный в пространстве и времени характер.

Гуманитарной версией синергетики является философское направление, пользующееся очень громкой известностью, а по мнению многих авторов, даже определяющее умонастроения людей в современную эпоху, – постмодернизм. Фактически синергетика является неким естественно-научным «щитом» постмодернизма, применяемым в тех случаях, когда социальное теоретизирование постмодернистов производит, скажем так, впечатление не самого адекватного взгляда на действительность. Классическим, показательным образцом постмодернистского восприятия, например, властных процессов в обществе можно считать работы М. Фуко. Возникает вопрос: как оценивать данную философию власти?

В ряде своих аспектов мысль Фуко о том, что власть в современном обществе («дисциплинарном»), если пользоваться терминологией Фуко, которое, правда, существует уже, по его мнению, как минимум с XIX века, а начало формироваться с конца XVII века) – это прежде всего тесно связанная система дисциплинарных пространств, дисциплинарных принуждений, осуществляющих «дрессуру тела», а через это и формирование ментальных структур и поведения людей, – нам представляется интересной и эвристичной.

В ряде своих аспектов мысль Фуко о том, что власть в современном обществе («дисциплинарном»), если пользоваться терминологией Фуко, которое, правда, существует уже, по его мнению, как минимум с XIX века, а начало формироваться с конца XVII века) – это прежде всего тесно связанная система дисциплинарных пространств, дисциплинарных принуждений, осуществляющих «дрессуру тела», а через это и формирование ментальных структур и поведения людей, – нам представляется интересной и эвристичной.

Подобная постановка вопроса ценна тем, что она уже не оставляет возможности игнорировать в обществоведческом анализе те социальные практики, на которые ранее, до Фуко, никто не обращал внимания. Но как понимать то, что власть не находится в чьих-либо руках? Известно, что группа психоаналитиков-лаканистов приглашала М. Фуко для обсуждения основных проблем его последней на тот момент книги «Воля к знанию», и во время этой дискуссии Фуко подтвердил свою точку зрения на власть: «Власть – этого просто не существует. Я хочу сказать, что идея, будто где-то в определенном месте, или эмануруя из какой-то определенной точки, существует нечто, что и есть власть, – мне кажется, что эта идея зиждется на каком-то ложном анализе и уже во всяком случае не учитывает значительного числа феноменов. На самом-то деле, власть – это отношения, это пучок – более или менее организованный, более или менее пирамидальный, более или менее согласованный – отношений ... В XIX веке, напротив, через всякого рода механизмы или институты – парламентаризм, распространение информации, издательское дело, всемирные выставки, университет и т.д. – «буржуазная власть» смогла выработать глобальные стратегии, без того, однако, чтобы по отношению к ним следовало предполагать некоторого субъекта» [10, С.365-367].

Но тогда напрашивается следующее выражение: не окажется ли так, что «принцип бессубъектности, будучи безобидным в плане теоретическом, по отношению к знанию и дискурсу, при переходе в поле «практического», где действуют отношения силы и происходят сражения, где с неизбежностью встает вопрос, кто сражается и против кого, – что принцип бессубъектности здесь порождает серьезные трудности и не позволяет уклониться от вопроса о субъекте или, скорее, о субъектах». Именно такой вопрос и был задан Фуко Ж.-Д. Миллером, руководителем кружка лаканистов. Что же ответил на это Фуко? «Конечно же, это-то меня и беспокоит. И я не очень понимаю, как из этого выбраться...». Далее он, правда, попытался выйти из того тупика, в который поставил его Миллер. Например, следующим образом: «Что означает... «борьба»? Диалектическое столкновение? Политическое

сражение за власть? Экономическая баталия? Война?... Это всего лишь гипотеза, но я бы сказал так: все против всех. Не существует непосредственно данных субъектов, один из которых был бы пролетариатом, а другой – буржуазией. Кто борется против кого? Мы все боремся против всех. И в нас всегда есть еще что-то, что борется против чего-то в нас же самих» [10, С.367]. Каждое из приведенных высказываний, взятое в отдельности, может являться верным, по крайней мере, в некоторых конкретных контекстах, однако все это не есть опровержение элитаристского подхода (подчеркнем: не марксистского, а подхода, характерного для основателей классической теории элит с его знаменитым «железным законом олигархии» Р. Михельса) к проблеме структурирования власти. Возможно, что в современном мире действительно нельзя говорить обо всех рабочих – не лицах наемного труда, как у Фуко, а именно рабочих, – что они борются со своими работодателями. Но все это еще не доказывает, что правящей элиты – не буржуазии, а именно элиты, к которой может относиться и верхушка самих рабочих, не говоря уже о наемных топ-менеджерах – не существует. Да и сам Фуко, по сути, признал несостоятельность или, по крайней мере, сильную уязвимость своей теории именно в практическом смысле.

В своей работе [2], в основном в ее первой главе, мы представили концепцию неофеодальных властных отношений в современных обществах, которые принято характеризовать с помощью терминов «постиндустриальные», «информационные», а иногда даже «постэкономические». Феодальный принцип разделения сфер влияния и «взимания дани» трайбалистскими, кровно-родственными, национальными и пр. элитарными группировками за оказываемое ими покровительство характерен для экономики и политики на всех уровнях, характерен для абсолютного большинства современных стран, за исключением англо-саксонских и германских, хотя в последних отмеченные явления тоже существуют, но проявляются в основном на высшем экономическом и политическом уровне – средний и особенно низовой уровни мало подвержены «феодальной кланизации». Для нас нет сомнений в том, что задача любого исследователя

макросоциальных процессов – создать теорию, которая имела бы максимальное практическое значение и позволила бы, например, указать пути борьбы с неофеодализмом в современном мире или объяснить бесполезность такой борьбы; показать возможные пути эволюции неофеодализма и т.д. Из этих соображений мы и не можем принять концепцию власти М. Фуко в плане бессубъектности власти. Хотел того Фуко или нет, но своей попыткой изобразить власть в целом бессубъектной он тем самым способствует элиминированию из социального и, в частности, политического анализа самого понятия «Властвующей элиты» (термин Ч. Р. Миллса), с чем мы, конечно же, решительно не можем согласиться. Олигархи, высшие госчиновники и лидеры преступного мира в масштабах всей страны (имеется в виду – практически любой современной страны), как и их «клоны» на местах, в регионах, вероятно, были бы удивлены, если бы узнали от постмодернистов вообще и Фуко в частности, что власть им не принадлежит. Поэтому мы не можем также принять рассуждения отечественных исследователей, основывающиеся на этом «бессубъектном» постулате, например – позицию Б.В. Маркова [6, С.276, 282, 287-288, 355].

Это – что касается, так сказать, сугубо гуманитарных соображений по поводу постмодернистского видения власти, которое, как уже говорилось, неявно опирается на синергетическую делокализованную онтологию, характерную для ряда физико-химических процессов. Но ведь хорошо известно, что отнюдь не термодинамика (в т.ч. термодинамика неравновесных процессов, разрабатывавшаяся И. Пригожиным) является наиболее фундаментальной физической теорией. Такой теорией является квантовая теория – в частности, квантовая механика. С учетом предмета настоящей статьи зададимся вопросом: каким образом синергетика соотносится с квантовой физикой как наиболее фундаментальным на сегодняшний день детищем физической науки? Для ответа на этот вопрос воспользуемся статьей В.И. Жога [4].

Когда синергетика описывает согласованное поведение бывших ранее разрозненными объектами, то фактически речь в подобных

случаях идет о когерентности. В конце 1970-х – начале 1980-х годов о когерентности говорили в контексте представлений о синхронизации физических явлений и процессов: «... Синхронизацию можно определить как свойство материальных объектов самой разной природы вырабатывать единый ритм своего существования, несмотря на различие индивидуальных ритмов и на подчас крайне слабые взаимные связи. Это удивительное свойство, заслуживающее, как нам представляется, обсуждения с философских позиций...» [4, С.78]. «Существование наряду с корпускулярными волновыми свойствами у вещества позволяло применить для его описания понятие когерентности, т. е. поставить вопрос о синхронизации фаз волновых функций отдельных атомов и молекул. В связи с тем, что излучение в этом случае подчиняется квантовым законам, может быть поставлен вопрос о квантовом характере когерентности вещества, которое существует не только в лазере. Распространение же понятия когерентности на область квантовых явлений позволяет ввести в квантовые методы понятие фазы, т.е. осуществить своего рода возвращение к классическим понятиям. В частности, «когерентные состояния как квантовые состояния, максимально близкие к классическим, позволяют понять связь между классической и квантовой механикой. ... Л.А. Шелепин указывает на возможность использования понятия когерентности и для анализа общественных явлений. ... Безусловно, когерентность существует и в общественных явлениях, просто она принимает там иные формы, выражается в других понятиях» (см. [4, С.79], [11, С.40, 58-61]).

Как мы отмечали в работе [2], если проследить историю взглядов разных мыслителей на то, какие структурные формы может принимать власть, то выясняется, что все они, за исключением непоследовательных в дальнейшем своем развитии оговорок Руссо и Гегеля, признавали возможность организации «демократии». И только на рубеже XIX-XX веков благодаря трем ученым (Моске, Парето и Михельсу) в науку пришло понимание того, что «тот, кто говорит организация, говорит олигархия». На наш взгляд, этот коперниканский поворот в общественности фактически

равнозначен тому, о чем писал И.А. Акчурин в статье [1]:

«Когерентность более высокого рода исследуется в «высших» разделах современной математической логики – в теории топосов пространств с наиболее общим типом измерения топологии. ... Дело в том, что современная логическая теория когерентностей вскрывает здесь совершенно новые и очень неожиданные связи. Образно говоря, поскольку топосы являются. ... концептуально бесконечномерными пространствами, целые научные (аксиоматические) теории, оказывается, можно представить в них как своего рода «обобщенные» точки топосов; последовательности таких теорий, сменяющих друг друга в процессе развития когерентной науки, как «сходящиеся» (или даже иногда – расходящиеся) обобщенные «ряды». Более того, в... теории топосов доказана концептуально очень важная теорема «концептуальной полноты», которая показывает, что в современной физике, например, классическая механика и электродинамика являются именно такими «концептуально полными» теориями, которые никакая будущая теория никак не сможет «отменить» или заменить некими новыми понятийными построениями, поскольку они являются своего рода «предельными точками» огромного множества прежних модельных теорий...» [1, С.33].

Теория элит Моски-Парето-Михельса – на наш взгляд, именно такая концептуально полная теория. Конечно – с учетом качественного, а не количественного характера гуманитарных теорий. А это означает, что никакие постмодернистские игры с языком, как и другие непостмодернистские концепции не смогут ее отменить. Возвращаясь же к цитате из статьи В. Жога, нам важно добавить с учетом содержания настоящей работы также следующее. Синергетика, особенно в ее пригожинском варианте, прямо-таки боготворит сильно неравновесные состояния, исключительно с ними связывая успешность развития системы в будущем. Те «структуры» (диссипативные), которые она предлагает вниманию научной и не только общественности, образуются именно в условиях, далеких от равновесия. Когерентные же состояния совершенно не обязаны

быть связаны именно с неравновесным состоянием вещества. Они могут реализовываться и в равновесных условиях в результате фазового перехода; характерным примером являются макроскопические (именно так, не микроскопические!) квантовые состояния сверхтекучести и сверхпроводимости – см. [11, С.41]. Но главное состоит в том, что сама когерентность – хоть и квантовый, но тем не менее максимально близкий к классическому процесс. Однако являются ли классические (квазиклассические) процессы в экономике, политике и др. сферах жизни общества определяющими, как это в неявной форме постулируют прилагаемые к исследованию социума нелинейная динамика, теория детерминированного хаоса и др. теории, составляющие «скелет» синергетического мировидения?

В исследованиях социальных систем различного класса хорошо известны так называемые гиперболические распределения, которые часто называют «ципфовскими». Это распределения (или законы) Ципфа, Парето, Лотки, Бредфорда и др. Их общая черта – резкая асимметричность в отличие от «гауссовых» распределений, а до сих пор необъясненная специалистами особенность – выраженность одной и той же по сути математической формулой, в которой варьирует только показатель степени (формула записывается в двух видах – частотном и ранговом, но это принципиально). Например, закон Парето в его очень упрощенной формулировке гласит, что приблизительно 80 процентов богатств принадлежит 20 процентам населения, 80 процентов работы выполняется 20 процентами работников, и т.п. Закон Ципфа устанавливает не менее асимметричное использование слов в законченных текстах большого объема, фонем и слогов, а закон Юла гласит, что число значений слова в тексте изменяется как корень квадратный из его ранга. Аналогичная асимметрия наблюдается в распределении численности населения по городам. Но, вероятно, самым строго подтверждающимся в том виде, в котором он был в свое время открыт, является закон Лотки – он касается распределения научной продуктивности ученых, выражающейся в числе их публикаций. В дальнейшем выяснилось, что распределения такого же характера, т.е. резко

асимметричные, охватывают фактически любые социальные явления [7, С.8-10]. Их назвали «негауссовыми», подчеркивая тем самым отличие от симметричных распределений, названных в честь немецкого математика, и на повестку дня встал вопрос об их объяснении.

Объяснения давались всегда. Попытки делались и авторами данных открытий, и другими специалистами, но все они в той или иной степени признавались неудовлетворительными, т.к. всегда недоставало какого-то связующего звена. Чаще всего это делалось следующим образом: закон Ципфа-Парето – результат действия двух взаимонаправленных факторов. Например, если говорить о числе публикаций в научных изданиях, то эти факторы таковы: желание публиковаться и пропускная способность журналов. Однако, как показал еще А. Лотка, открытый им закон описывает число открытий по физике за период с 1600 по 1900 гг., проверенных по трудам Лондонского королевского общества. Такой автор, как Д. Крейн указывает, что данному закону подчиняются открытия и изобретения в других сферах [12, С.73], а ведь на их выдвижение не влияет пропускная способность журналов. Уже в наши дни синергетики – например, Г. Малинецкий [5], – интерпретируют данные закономерности как «самоорганизованную критичность». Имеется в виду то, что элементы в системе, подчиняющейся закону Ципфа, взаимосцеплены между собой, а сама система высокоадаптирована к быстро меняющимся условиям, поэтому платой за такую самоорганизованность является «критичность» – небольшое изменение условий вызывает лавинообразные изменения. Но как приложить такое объяснение к тому же самому факту: подчиненности ципфо-паретовскому закону выдвижения открытий, изобретений? Ведь в этом случае получается, что мысли, идеи самых разных, не связанных между собой в повседневной жизни людей оказываются сцепленными, как в обычной материальной системе.

В нашей книге [2] впервые в научной литературе была развита гипотеза о том, что за существование подобной макроскопической скоррелированности экономических, политических, духовных и др. процессов отвечает квантовая (или же подобная квантовой)

нелокальность бессознательных слоев психики людей, в повседневной жизни могущих быть и несвязанными друг с другом. Данная нелокальность, характерная для так называемых «запутанных», или «зацепленных» (entanglement), квантовых систем, мыслилась нами по образцу (именно по образцу, без какого-либо ухода в физический редукционизм) хорошо известного в физике парадокса Эйнштейна-Подольского-Розена (см. об этом, например, [9]). Сейчас нет возможности подробно останавливаться на этих соображениях. С учетом предмета настоящей статьи нам важно то, что и квантовая нелокальность, и многие другие свойства квантового мира не имеют никаких аналогов в классической физике. Синхронизация волновых функций, рассматриваемая синергетикой, – исключение, а не правило. Кроме того, весьма важно отметить и тот факт, что наиболее успешная научная теория за все время существования науки – квантовая механика – является линейной теорией, а не нелинейной, как того фактически требует синергетическая парадигма.

Как известно, ключевым аспектом синергетического взгляда на мир является положение о том, что малейшее отличие в начальных условиях положения системы влечет за собой принципиальную невозможность предсказания путей ее развития. В политике это влечет за собой высказывания типа «Миром правит хаос», что вполне коррелирует с постмодернистским тезисом У. Эко о несуществующей, или, как он это называет, «отсутствующей Структуре». Оно и понятно, ведь если наш мир – это, по Пригожину, перманентная нестабильность, то никаких более или менее устойчивых структур, постоянно управляющих им, не существует: они так же должны «разбегаться», как и траектории развития системы, а на их место приходят новые, которые в скором времени должна постигнуть та же участь. Вот что пишет по поводу этих «разбегающихся» траекторий («Садах расходящихся тропок» – Х.Л. Борхес) Дэвид Дойч – основоположник теории квантовых вычислений:

«Все это недавно вынесли на всеобщее обозрение в популярных книгах и статьях по хаосу и «эффекту бабочки». Эти эффекты не ответственны за трудность обработки

(квантово-компьютерных вычислений – прим. авт.) ..., по простой причине, что они имеют место только в классической физике, т.е. не в реальности, поскольку реальность квантово-механическая. ... Говорят, что в принципе бабочка, находящаяся в одном полушарии, взмахом своих крылышек может вызвать ураган в другом полушарии. Неспособность дать прогноз погоды и тому подобное приписывают невозможности учесть каждую бабочку на планете. Однако реальные ураганы и реальные бабочки подчиняются не классической механике, а квантовой теории. Неустойчивость, быстро увеличивающая небольшие неточности определения классического начального состояния, просто не является признаком квантово-механических систем. ... Чтобы отделить проблемы непредсказуемости от проблем трудности обработки в квантовой механике, мы должны принять, что квантовые системы в принципе предсказуемы» [3, С.205-206].

Дополнительные объяснения и выводы из того, что коллективно-бессознательная сфера человечества является системой, подобной квантовой, а квантовые системы в принципе предсказуемы, мы приводим в книге [2]. В любом случае по результатам данного анализа напрашивается один вывод, который имеет отношение к постмодернистским веяниям в социальной методологии. Этот вывод следующий: лучше распрощаться как с утопией ориентации методологии социально-гуманитарного познания, так и с утопией понимания сущности политической власти на основе понимания сути языковой практики. Любая языковая игра так же подчиняется закону Ципфа, как и распределение власти, собственности и многое другое. И только нелокальностью данных структур можно объяснить тот факт, что они, будучи встроенными в нас, пронизывают нас сквозь и языки, и частотные знаковые распределения внутри текстов, и «дисциплинарные пространства» Фуко; они сами формируют все в согласии с их собственной природой. Это власть нелокальных процессов управляет

нами так, как ей (им) нужно, а закон Ципфа-Парето – это и есть та Суперструктура, которая, если верить писателю и ученому Умберто Эко, предлагающему в своих работах раз и навсегда отказаться от вредной привычки искать Истину, якобы «отсутствует».

Литература:

1. Акчурин, И.А. Новая фундаментальная онтология и виртуалистика // Вопросы философии. – 2003. – № 9. – С.30-38.
2. Данилевский И.В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность. – Казань: Изд-во КГЭУ, 2004. – 436 с.
3. Дойч, Д. Структура реальности. Пер. с англ. – Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 400 с.
4. Жог, В.И. Единство физического знания и когерентные процессы // Философские науки. – 1986. – № 1. – С.74-83.
5. Малинецкий, Г.Г., Потапов, А.Б. Современные проблемы нелинейной динамики. – М.: УРСС, 2004. – 352 с.
6. Марков, Б. В. Философская антропология. – СПб.: Издательство «Лань», 1997. – 380 с.
7. Петров, В.М., Яблонский, А.И. Математика и социальные процессы. – М.: Знание, 1980. – 64 с.
8. Пригожин, И. Философия нестабильности // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С.46-52.
9. Философские исследования оснований квантовой механики. К 25-летию неравенств Белла. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 183 с.
10. Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 446 с.
11. Шелепин, Л. А. Когерентность. – М.: Знание, 1983. – 64 с.
12. Яблонский, А.И. Модели и методы исследования науки. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 400 с.